

Глава шестая

ПЕРИОД 20 СЕНТЯБРЯ — КОНЕЦ ГОДА

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТР

«Бег к морю»

После сражения на р. Марне германские армии, отойдя на рубеж рр. Уазы и Эн, перешли к обороне. Германское командование стремилось сначала сдержать наступление англо-французских армий, чтобы выиграть время для переброски резервов. Сражением на р. Эн к 15 сентября закончилось германское отступление, и германское командование вернуло себе свободу действий. Война стала принимать позиционный характер на всем участке к востоку от р. Уазы, и только западные фланги сторон были открыты. Свободное пространство между р. Уазой и Северным морем (200 км) представляло собой густонаселенную равнину. Реки Сомма, Скарпа, Лис, пересекающие эту равнину, не создавали препятствий для крупных маневренных операций в западном или восточном направлениях. На этом участке находились Дюнкерк, Кале, Булонь и другие порты, служившие морскими базами для английской армии. Захват морского побережья становился важнейшей целью операции германской армии, разрыв германских сообщений с Бельгией — важнейшей целью операций армий Антанты. Обе стороны почти одновременно стремились выиграть фланги противника, поэтому борьба переходила во фронтальное столкновение и наступление останавливалось, тогда новые силы направлялись обеими сторонами дальше к северу с целью охвата оставшегося открытым фланга, и «Бег к морю» закончился, когда фланги сторон, наконец, уперлись в море (схема X).

К началу операции (15 сентября 1914 г.) на фронте от р. Уазы вдоль р. Эн до Реймса укрепились 1-я, 7-я и 2-я гер-

манские армии. На крайнем западном фланге находился IX резервный германский корпус, переброшенный из Антверпена. Со стороны Антанты на этом же участке были сгруппированы с востока на запад 5-я французская, английская и 6-я французская армии. Для осуществления обходного маневра французское командование начало переброску частей из района р. Уаза — Суассон в район между рр. Уазой и Соммой, где с 19 сентября формируется новая, 2-я, французская армия под командованием ген. Кастельно. С германской стороны наступление в районе р. Мааса, а затем и в центре фронта, сковав силы противника, должно было обеспечить выполнение обходного маневра 6-й армии, которая перебрасывалась из Лотарингии в район между рр. Уазой и Соммой.

«Бег к морю» может быть сведен к трем крупным этапам. Первый этап — бои в районе рр. Уазы и Соммы во второй половине сентября. Второй этап — бои по обе стороны р. Скарпы (29 сентября — 9 октября), так называемое сражение у Арраса. Третий этап — бои на р. Лис: сражение у Лилля (10—15 октября), сражение на р. Изер (18—20 октября) и у Ипра (30 октября—15 ноября). Началом операции были бои французской 6-й армии 16—18 сентября у Нуайона. Соотношение сил и их группировка на открытом фланге были выгодными для Антанты. Но плохое оперативное руководство 6-й французской армией и вялые действия кавалерийского корпуса Бриду на ее фланге в районе Лассиньи привели к неудаче французских войск. Между тем переброшенная 2-я французская армия получила задачу действовать против фланга противника и наступать в общем направлении на Сен-Кантен; Жоффри просит английское командование высадить войска в Дюнкерке с целью удара по тылам германской армии. Одновременно и германские войска получили задачу наступать по северному берегу р. Соммы с целью обхода фланга противника. Обе армии столкнулись у Лассиньи — Руа (21—22 сентября) — Перонн (23—25 сентября). В этих боях германские войска имели некоторый тактический успех. Однако, вскоре в район Арраса прибыл из Реймса французский кавалерийский корпус Конно, получивший задачу прикрыть сосредоточение и развертывание новой, 10-й, французской армии в районе Арраса. Это опять создало угрозу флангу германской армии. 27 сентября германское командование получило донесение, что на участке английской армии (Суассон — Реймс) появились французские части, что означало

возможность смены и переброски английской армии на северный участок фронта. Несмотря на эти данные, германское верховное командование продолжало добиваться решения на открытом фланге, не отказываясь от одновременного наступления на укрепленном участке фронта между р. Уазой и Верденом и в районе р. Мааса, где ему, однако, не удалось сковать силы противника.

К 27 сентября на участке от р. Уазы до швейцарской границы имелись 72 германских дивизии против 71½ англо-французских и севернее р. Уазы — 12 германских дивизий против 14 французских. Германское командование не рисковало сильно ослабить участки установившегося фронта и недостаточно усиливало свой правый фланг. Для сосредоточения в районе Дуэ — Лилль между рр. Скарпой и Лис оно предназначало I баварский резервный корпус, IV, XVIII, XIV армейские корпуса, 1-ю пех. дивизию, 2-ю гвардейскую дивизию, 50-ю бригаду и 3 кав. дивизии. Из них XIV корпус и 2-я гвардейская дивизия могли прибыть в район боев только через 8 дней. Эти силы были явно недостаточны. Тем временем союзники создали на северном фланге из частей армии правого крыла группу генерала Модьи в составе XI, X и XXI корпусов и 2 кав. корпусов. С 1 октября началась переброска с р. Эн на север английской армии. 4 октября был образован Северный фронт под командованием генерала Фоша в составе 2-й и 10-й армий, территориальных частей района и гарнизона Дюнкерка. Со 2 по 7 октября произошел ряд встречных боев на обоих берегах р. Скарпы — сражение у Арраса.

В этом сражении с обеих сторон участвовали значительные конные массы. 1 октября французское командование образует 2 кав. корпуса: I кав. корпус для действия по обоим берегам р. Скарпы и II кав. корпус генерала Митри для действия на фланге. Германское командование намечает также действующую перед фронтом конницу генерала Марвица (I и II корпуса) к переброске на север. 2 октября развиваются бои на обоих берегах р. Скарпы, и 3 октября германские войска занимают Невиль—Витас; создается угроза левому флангу 10-й французской армии, а севернее р. Скарпы французские войска оттеснены баварскими частями на линию Вими — Аррас. В это время II кав. корпус Митри собирался на севере между Бетюном и Лоосом, а его разведка обнаружила подход германской конницы, которая к вечеру заняла Лан. 4 октября XXI корпус перебрасывается главным командованием на се-

вер, в район Армантьер — Сен-Поль. 5 октября — критический день. Баварские части достигают рубежа западнее Вими. Командующий армией предполагает очистить Аррас. В это время прибывает вновь назначенный помощник главнокомандующего генерал Фош, который намечает план контрманевра силами XXI корпуса и обоих корпусов конницы в направлении Лан — Вими. Этот маневр не удается вследствие плохой связи и медленных движений 13-й дивизии XXI корпуса. Во время сражения корпуса обеих сторон вступали в бой во взаимодействии со значительными силами конницы, прикрывавшей их наружные фланги и затруднявшей противной стороне свободу маневра; после ряда фронтальных столкновений противники, не достигнув решительных результатов, остановились друг перед другом. 7 октября французскому командованию удалось кое-как задержать измотавшегося противника у Арраса; 8 и 9 октября оживленную деятельность проявила только конница обеих сторон, пытавшаяся занять теперь уже на берегах р. Лис угрожающее положение на фланге противника. В общем в результате равенства сил и истощения сторон фронт установился в районе Арраса. Но попытки обхода флангов продолжались: в ближайшие дни начались бои в районе Лилля по обе стороны р. Лис, составившие последний этап «Бега к морю».

Севернее р. Соммы к этому времени было введено в бой 14 германских дивизий против 15 французских (на остальном фронте против 85½ французских дивизий действовало 83½ германских). Германские войска вновь имели только небольшой тактический успех. К моменту окончания сражения у Арраса германскими войсками был взят Антверпен, освободилась осадная армия, и к 10 октября было сформировано 6 новых резервных корпусов, из которых 5 было предназначено для использования на французском театре. К этому же времени германские войска на участке севернее р. Уазы были сведены в две армии — 2-ю и 6-ю.

Сосредоточение на север указанных как германских, так и английских корпусов происходило медленно, поэтому в боях у Лилля (10—15 октября) наибольшую деятельность проявила лишь конница сторон (10 кав. дивизий Антанты против 8 германских).

Пока происходили эти бои, пал Антверпен (9 октября). Бельгийская армия и поддерживающие ее англо-французские отряды оставили крепость еще 7 октября и, преследу-

емые немцами, отошли на линию Остенде — Лис, где и приняли участие в сражении на р. Изер (18—20 октября). Соединенными усилиями бельгийских, французских и английских войск под командованием французского генерала д'Юрбаль удалось удержать наступление германского корпуса Базелера, подошедшего от Антверпена.

В сражении у Ипра (30 октября — 15 ноября) были использованы последние готовые резервы Антанты и Германии. К 15 ноября вновь прибывшими силами сторон все пространство до морского побережья было заполнено войсками, которые с этого времени образовали там позиционный фронт.

В итоге «Бег к морю», как маневренная операция обеих сторон, имевшая целью обход или охват открытого фланга противника и длившаяся свыше месяца, не дал решительного результата. Соединяя маневр на фланге с наступательными действиями на укрепленном фронте, ни одна из сторон не понимала происшедшего изменения способов ведения боя и возможностей обороны на укрепленном фронте ограниченными силами. Опасаясь ослабления прочно установившегося фронта, ни германское, ни французское командование не сумело создать решающего перевеса в силах. Успехом командования Антанты следует считать то, что ему удалось загнать фронт армии к северу и таким образом обеспечить базы английских экспедиционных армий и их сообщения через море с собственной страной. Командование Антанты первое учло возросшую огневую силу укрепленных позиций и с 17 октября прекратило наступательные попытки на укрепленном фронте от р. Уазы до Вердена впредь до увеличения запасов артиллерийского снабжения.

В операции «Бег к морю» железные дороги сыграли крупную роль как один из важнейших оперативных факторов. Обе стороны оказались на высокой ступени железнодорожной подготовки. За время всей операции была осуществлена переброска вдоль фронта с востока на север по железным дорогам: с германской стороны — 18 арм., 4 кав. корпусов и 3 арм. управлений; с французской стороны — 30 пех. и 8 кав. дивизий, 2 арм. управлений и всей английской армии.

Сражение во Фландрии (октябрь — ноябрь 1914 г.)

(Схема XI)

Почти одновременно с падением Антверпена, т. е. когда ни на р. Изер, ни у Ипра еще не было крупных неприятельских

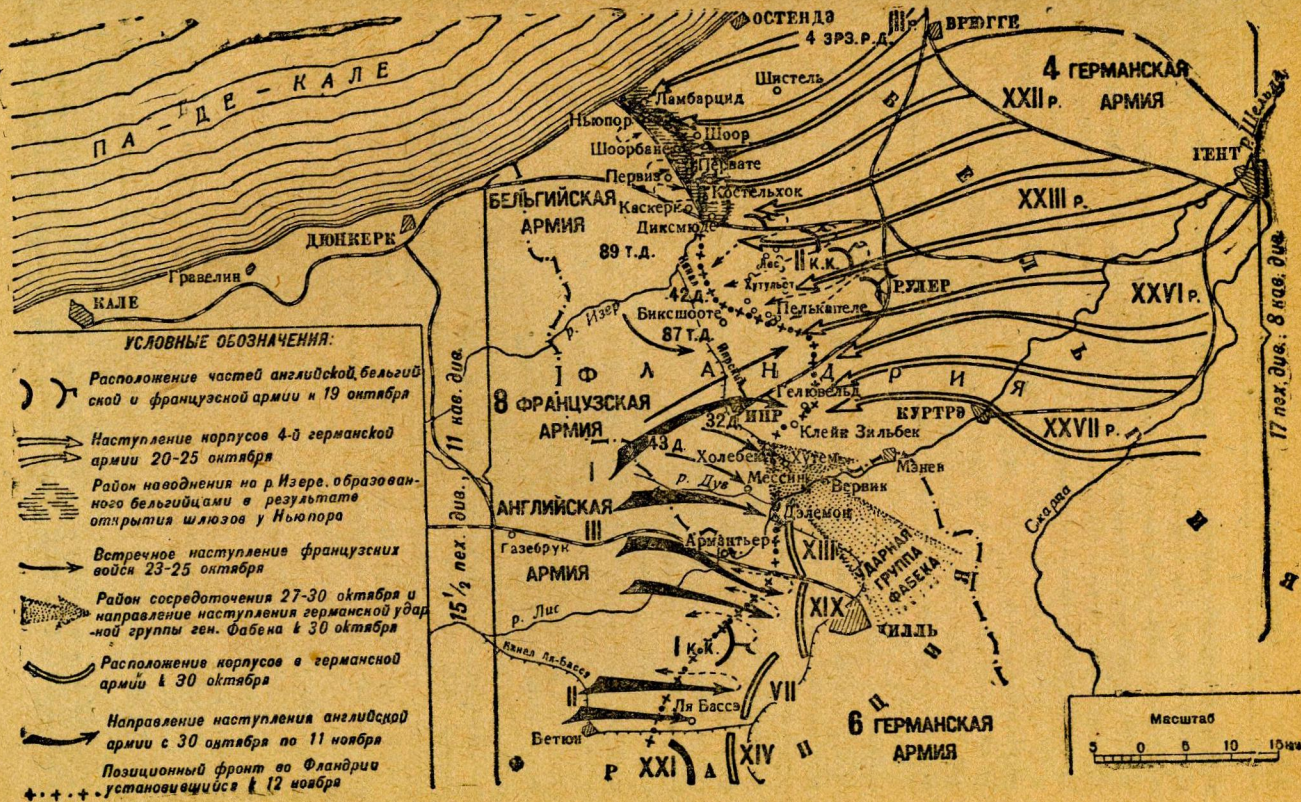

Схема XI. Сражение во Фландрии (октябрь — ноябрь 1914 г.)

сил, которые могли бы угрожать безопасности германского правого фланга, германское командование направило в западную Бельгию новую, 4-ю, армию, формирование корпусов которой происходило при таких условиях, которые явно предопределяли собой огромную энергию и активность действий при выполнении боевых задач, связанных с наступлением во Фландрии (схема XI). Обращение германского императора, прибывшего к началу наступления в Гент 14 октября, с особым воззванием к 4-й армии, в котором выражалась уверенность в достижении победы, указывало на то, что наступление германцев во Фландрии должно было преследовать очень важную стратегическую цель. Этой целью был захват побережья Па-де-Кале, имевшего столь важное значение для обеспечения кратчайших сообщений английской армии с ее основной базой — Великобританией.

Задача 4-й армии была дана в директиве германского командования от 14 октября, в которой указывалось, что в то время, когда правый фланг 6-й армии, на участке от Менена до Ля-Бассэ, должен был привлекать к себе неприятельские силы, развернувшиеся по обе стороны р. Лис до южных окрестностей Ипра, 4-я армия должна атаковать всеми своими силами севернее Ипра бельгийскую армию и те французские подкрепления, которые могли быть переброшены сюда с юга.

Силы, вводимые в действие обеими сторонами во Фландрии в течение октябрьских и ноябрьских боев, непрерывно увеличивались в соответствии с развитием боевых операций. Союзники имели в приморском районе к середине октября почти всю английскую армию, бельгийскую армию, 2 французские территориальные и 6 кав. дивизий. Ожидалось прибытие нескольких французских пех. дивизий, уже перевозившихся сюда с других участков фронта. Силы союзников распределялись неравномерно по занятому ими фронту, что зависело больше от случайных причин, чем от оперативных соображений. Наиболее сильным участком был участок южнее Ипра, занятый английской армией с I французским кав. корпусом, т. е. всего 7 пех. и 5 кав. дивизий под командованием главнокомандующего английской армией фельдмаршала Френча. Несколько более слабым являлся участок р. Изер, на котором располагалось 6 пех. и 1 кав. дивизия под командованием бельгийского короля Альберта. Слабее всех был занят центральный участок между Ипром и р. Изер, занятый всего лишь 2 пех. и 5 кав. дивизиями под командованием сначала

французского генерала Митри, а затем генерала д'Юрбала.

Со стороны германцев действовала новая, 4-я, армия герцога Вюртембергского, составленная из 4 недавно сформированных резервных корпусов и включавшая в себя также войска группы генерала Безелера, преследовавшей бельгийцев от Антверпена. В районе же р. Лис находилась правофланговая группа корпусов 6-й армии (XIII, XIX и VII). Новые резервные корпуса, составленные, главным образом, из добровольцев, представляли собой совершенно свежую боевую силу, резко отличающуюся от остальных войск, утомленных и ослабленных предшествовавшими напряженными боевыми действиями. Всего к 20 октября германцы имели 17 пех. и 8 кав. дивизий, причем почти вся конница была настолько расстроена боевой деятельностью предшествовавшего месяца, что была оставлена в ближайшем тылу на правом берегу р. Лис. Командование всеми германскими силами во Фландрии объединялось в германской главной квартире, на месте же оно принадлежало двум не подчиненным друг другу командующим армиями.

Бои, составляющие сражение во Фландрии, соответственно своему распределению по территории, охваченной ими, делятся на два частных сражения: первое — на р. Изер, где бельгийская армия, поддержанная некоторыми французскими частями, сражалась против войск правого фланга 4-й германской армии, и второе — у Ипра, в котором англичане при содействии главной массы войск 8-й французской армии вели бои с левофланговыми корпусами 4-й и правым флангом 6-й германских армий.

! Сражение на р. Изер (20 октября — 12 ноября)

С утра 20 октября началось сильное наступление III и XXII резервных германских корпусов на всем фронте от Ньюпора до Диксмюде. 23 октября в центре Изерского фронта германцам к ночи удалось одной дивизией прорвать оборонительную линию р. Изер. 24 октября бои продолжали развиваться успешно для германцев, и к концу дня левый берег р. Изер на большом протяжении находился в руках германцев. Союзникам пришлось отказаться от всяких наступательных планов и организовать на левом берегу прочную оборону, за которой и отстаивать последний клочок бельгийской территории, оставшейся в их руках. 25 октября бельгий-

ское главное командование приказало открыть шлюзы у Ньюпора для затопления местности к востоку от железной дороги и вместе с тем — отвести за р. Изер все войска, находившиеся еще у Ньюпора на правом берегу.

К 31 октября наводнение распространилось до северных окрестностей Диксмюде на протяжении 12 км, образовав разлив до 5 км ширины и более 1 м глубины. Вода постепенно залила германские траншеи и вынудила германцев уйти с левого берега р. Изер, причем они взорвали за собой все мосты. Со 2 ноября боевые действия на этом участке прекращаются. Противники, отделенные друг от друга широким разливом, оставляют здесь лишь мелкие отряды, а все свои силы перемещают частью на фланги к Ньюпору и Диксмюде, а частью на другие участки Фландрского фронта.

Завязавшиеся через несколько дней ожесточенные бои у Диксмюде закончились 10 ноября взятием этого пункта германцами. С падением Диксмюде весь участок р. Изер потерял оперативное значение для обеих сторон, и боевые действия здесь надолго прекратились. Несмотря на все «тактические успехи», достигнутые в боях на р. Изер, германцы были вынуждены отступить перед непреодолимой преградой в виде наводнения, и стратегическая победа осталась за союзниками. Кратчайшие пути к Дюнкерку были закрыты для германцев, и их стремлению обойти левый фланг союзников было положен предел.

Сражение у Ипра (20 октября—15 ноября)

До 20 октября центр и правый фланг английской армии (усиленные французским кав. корпусом генерала Конно) хотя и медленно, но все же продвигались к востоку, между каналом Ля-Бассэ и р. Дув, а левый фланг оставался в полном бездействии по обе стороны дороги Ипр — Мэнен; в то же время группа французских войск, состоявшая, главным образом, из конницы и находившаяся в районе Рулера, была уже потеснена в боевых столкновениях с передовыми частями германцев и отошла к лесу Хутульст.

В боях 21 октября в районе Ипра германцы имели существенный успех только на своем правом фланге, у леса Хутульст, на остальных же боевых участках или потерпели неудачу, или достигли слабых тактических результатов.

В результате передвижений и боевых столкновений обоих противников в течение двух предыдущих дней расположение

союзников у Ипра приняло, по отношению к общей линии их Фландрского фронта, форму дугообразного выступа, охватившего этот город с севера, востока и юга и имевшего протяжение с севера на юг около 20 км; наиболее удаленные к востоку пункты, занятые союзными войсками, находились в 8—9 км от Ипра.

В течение последующих 25 дней концентрическое наступление германских войск против англо-французского выступа у Ипра не привело германцев к решительному результату, а в то же время рушилась и надежда германского командования на успех правофланговых частей 4-й армии ввиду появления на Изере зловещих признаков надвигавшегося с моря наводнения.

Для продолжения наступления между флангами армий была образована частью из вновь прибывавших корпусов и дивизий, а частью из войск, находившихся на ближайших боевых участках, особая группа генерала Фабек, всего 7½ пех. и 2 кав. дивизии, для решительного наступления юго-восточнее Ипра, с целью прорвать здесь неприятельский фронт. Для того чтобы противник не имел возможности противодействовать этому удару переброской своих войск с других участков Ипрского фронта, 4-я и 6-я армии должны были одновременно с этим атаковать находившиеся против них неприятельские позиции.

С другой стороны, союзное командование попрежнему ставило своим войскам на ближайшие дни активные и решительные задачи, направленные раньше всего к выдвигению обоих флангов своего выступного расположения, без чего общее наступление к востоку признавалось невозможным.

В результате наступления ударной группы генерала Фабек германцы 30 октября глубоко вклинились в расположение союзников вдоль канала, находясь вершиной своего клина у Холебeka лишь в 5 км от Ипра, на пути к которому у союзников не имелось в это время никаких резервов. Это было тем более опасно, что в боях, происходивших в этот день, почти все английские войска, занимавшие расположение между дорогой Ипр — Мэнен — р. Дув, понесли большие потери и нельзя было рассчитывать на их успешное сопротивление германским атакам на следующий день.

Положение союзников к концу этого дня было весьма тяжелым. Для Фоша представлялось также несомненным, что меры против этого должны быть приняты немедленно и что

опасность, угрожавшая Ипру, должна быть устранена ценою каких угодно жертв и усилий.

На 1 ноября генералом Фошем, по соглашению со штабом английской армии, были даны следующие указания союзным войскам: I английскому корпусу — закрепляться в занятом им расположении, между правым флангом IX французского корпуса и Клейн — Зильбек; IX французскому корпусу — атаковать к востоку, а французским войскам, развернувшимся южнее Ипра, — атаковать к юго-востоку, в общем направлении на Хутем. С германской стороны войскам было приказано на следующий день выполнение данных им ранее наступательных задач.

В течение 1 ноября французское командование постепенно приводило в порядок свои войска, развернувшиеся южнее Ипра, распределяя их по своим постоянным организационным соединениям, но перемещение частей было здесь столь значительно, что потребовалось еще несколько дней, чтобы вернуть этой массе войск ее нормальную организацию.

В течение 4 суток группа генерала Фабек вела атаку за атакой на неприятельские позиции, расположенные между шоссе и дорогой из Ипра в Мэнен и р. Дув; в течение 4 суток германцы теснили противника и с каждым днем подходили все ближе и ближе к Ипру, угрожая захватом этого города, удержание которого в своих руках имело для союзников большое моральное и стратегическое значение. Ипр уже находился под сильным обстрелом германской артиллерии, направленным с нескольких сторон, и теперь был покинут стоявшими в нем раньше штабами и тыловыми учреждениями англо-французских войск.

Со 2 ноября наступательная энергия германских войск заметно ослабевала; все указывало на истощение живой силы, на необходимость свежих подкреплений, на неизбежность перерыва в боевых действиях. 3 ноября германское главное командование пришло к убеждению, что группа генерала Фабек недостаточно сильна для того, чтобы выполнить данную ей задачу и нанести противнику решительное поражение. Ввиду этого было решено усилить ее новыми частями, которые должны были прибыть из других армий.

В начале ноября во Фландрии наступила пора, крайне неблагоприятная для ведения боевых действий: пошли дожди, стояли густые туманы, почва, и без того сильно насыщенная влагой, превратилась в сплошное болото, по которому трудно

было передвигаться, а еще труднее — рыть в нем окопы; в довершение всех этих затруднений сильно возросло количество больных в войсках у обоих противников. Вся эта непрigлядная и тяжелая обстановка все более и более склоняла обе стороны к решению прочно закрепиться в своем расположении и оборудовать занимаемые позиции для пребывания на них до наступления весны.

С 12 ноября к союзникам стали прибывать последние подкрепления: к французам — одна 26-я дивизия, к англичанам начали прибывать из Англии первые части только что сформированной 8-й пех. дивизии. Но этим подкреплениям уже не пришлось принять участия в великой битве во Фландрии.

У германцев с 20 ноября началась переброска войск из 6-й армии на русский фронт, где в это время в полном разгаре была сложная операция, предпринятая германцами на левом берегу Вислы (так называемая *Лодзинская*).

Этими перегруппировками и закончилось сражение у Ипра. Боевые столкновения на позициях постепенно затихали. *Война приняла позиционный характер.*

РУССКИЙ ТЕАТР

Операции на Висле и на Санае

(Схема 27)

Очищение Ренненкампфом Восточной Пруссии и освобождение сильной 8-й германской армии, с одной стороны, поражение австро-венгерской армии, очищение ею Восточной Галиции и переполнение русскими войсками пространства между р. Вислой и Львовом — с другой, вызывали у обеих воюющих сторон необходимость выработать планы новых операций и приступить к перегруппировке войск.

К этому в половине сентября и приступили русское и австро-германское командования. У обоих врагов планы не вылились сразу в ту конечную форму, в которую они обратились на полях Польши и северных предгорьях Карпат, а последовательно эволюционировали в зависимости от обоюдных новых ходов.

Австро-германский план

Разгром австрийской армии и отход ее к Карпатам делали возможным вторжение русской армии в Моравию, а затем и в Верхнюю Силезию. Ввиду этой опасности австрийская армия требовала реальной поддержки германцев.

14 сентября верховное германское командование отправило генералу Гинденбургу следующую директиву:

«Операция в наревском направлении при нынешнем положении австрийцев является нецелесообразной. Непосредственная поддержка австрийцев диктуется политическими соображениями. Предстоит операция со стороны Верхней Силезии. Подвоза войск с запада не предвидится. О числе войск, предназначенных к сосредоточению в Силезии, последуют указания. Армия сохраняет самостоятельность действий также при совместных операциях с австрийцами»¹.

17 сентября верховным командованием были даны дальнейшие указания генералу Гинденбургу и установлены командные отношения:

«Я передаю вам общее руководство операциями на востоке, — говорилось в директиве, — 8-ю армию генерала Шуберта тоже подчиняю вам. Директивы для совместных действий с австрийцами и для операций в Пруссии будут исходить от меня»².

В Восточной Пруссии вместе с резервными ландверными частями и гарнизонами крепостей в общей сложности было оставлено около 4 корпусов, и на юг в состав вновь образуемой под командованием Гинденбурга 9-й армии было отправлено 4 корпуса и 1 кав. дивизия (XI, XVII, XX армейские, Гвардейский резервный корпуса и 8-я кав. дивизия); к ней же должен был присоединиться и ландверный корпус Войрша, принимавший участие в Галицийской битве, т. е. всего 5 корпусов.

9-я армия развернулась на фронте Бейтен — Ченстохов и перешла в наступление на фронт Сандомир — Ивангород. Австрийцы, выйдя из-под ударов русских, устранились на р. Дунаец (1-я и 4-я армии) и по Карпатскому хребту (3-я и 2-я армии Пфляндера).

Задача 9-й германской армии была дана директивой верховного командования от 17 сентября и гласила следующее: «9-я армия должна самостоятельно, но действуя в контакте с австрийцами, атаковать во фланг и тыл ближайшие русские войска, преследующие австрийцев».

¹ «Weltkrieg», Reichsarchiv, V, S. 407.

² Там же, стр. 409.

В зависимости от германского плана были поставлены и первоначальные задачи союзным армиям. 2-я, 3-я и 4-я австрийские армии должны были наступать на Сан на фронте Перемышль — Сандомир; 1-я австрийская армия — по обоим берегам р. Вислы.

Итак, общий фронт наступления германо-австрийцев намечался Перемышль — Ивангород.

При этом в предстоящей операции командование германскими и австрийскими войсками объединено в одних руках не было.

П л а н р у с с к о г о к о м а н д о в а н и я

В организации русского верховного командования была допущена одна весьма невыгодная для сохранения единоначалия особенность. Все вооруженные силы на Западном театре были объединены в 2 мощные по величине и занимаемой ими территории группы армий (фронты). При той комбинации характеров верховного главнокомандующего и его начальника штаба, с одной стороны, и двух главнокомандующих фронтами — с другой, какая имела тогда место, в направлении боевых операций должно было встречаться весьма частое расползание в стороны. Жесткий по наружному поведению, но поддающийся влиянию близких лиц «великий князь», при совершенно неподходящем ни по характеру, ни по опыту, ни по познаниям начальнике штаба, с трудом боролся и очень часто уступал, но вразрез со здравым военным взглядом, эгоистической и очень часто узкой стратегической мысли Рузского и Иванова, тянувших исключительно в пользу своих фронтов. Роль главнокомандующего в этот период сводилась к изысканию компромиссов, чтобы, по возможности, объединить мысль обоих его помощников. Поэтому план грядущей операции строился с большим трудом, перенес ряд компромиссных этапов и вылился в определенную форму с запозданием.

Первоначальные (еще в первых числах сентября) планы фронтов состояли в отходе на Северо-западном фронте за линию рр. Немана, Бобра и на Нарев и в наступлении на Юго-западном на Краков по правому берегу р. Вислы, что означало играть на-руку Гинденбургу. Ставка 22 сентября приостановила отход Рузского и, кроме того, приказала ему направить 2 корпуса на усиление Варшавского отряда, а Иванову — перебросить сначала одну армию (4-ю), а затем еще

две (5-ю и 9-ю) в район Ивангород — Сандомир. Таким образом, идея перенесения операции на левый берег р. Вислы начинает проводиться в жизнь уже 22 сентября, в то время, когда переброска армии Гинденбурга на юг еще не была известна русскому штабу. По времени это совпадало с «бегом к морю» обеих сторон на французском театре.

И в этом опять усматривается желание русской Ставки помочь французам нанесением удара германцам в наиболее жизненном для последних направлении в то время, когда во Франции счастье, наконец, улыбнулось союзникам. Франко-русская конвенция продолжала доволеть над русской Ставкой, но на этот раз ей на пользу, так как своевременная переброска 4-й армии на север парировала план германского командования устроить русской армии мешок между рр. Вислой и Саном.

После ряда согласований интересов Иванова и Рузского Ставкой 1 октября была отдана директива, окончательно устанавливавшая план операции. Опаснейшей группой противника считалась 9-я германская армия. Для поражения ее намечалась комбинация двойного удара — с фронта (Ивангород — Сандомир) и с фланга (Варшава). Поэтому было приказано: 1-й и 10-й армиям обеспечивать своим наступлением операцию на р. Висле со стороны Восточной Пруссии; 2-й армии, сосредоточиваемой в Варшаве, — атаковать противника во фланг; 4-й, 5-й и 9-й армиям, которые уже перекидывались на север, — наступать с фронта; 3-й и 8-й армиям — прикрыть р. Сан и блокаду Перемышля и обеспечивать всю операцию со стороны Венгрии. Общее руководство всей операцией в Польше и в Галиции было возложено на генерала Иванова. Ко времени отдачи этой директивы русские армии были еще в периоде перегруппировок, совершенно не готовые к началу наступления. 1 октября они занимали следующее положение. 2-я армия на Нареве; в Варшаве находился только XXVII корпус и подвозился к ней II сибирский корпус; 4-я — на марше между Ивангородом и Аннополем; 9-я кончала обратную переправу через р. Сан; 5-я сменяла ее на Сане; 3-я и 8-я — на Среднем Сане и между Перемышлем и р. Днестром.

При таких условиях генерал Иванов вполне основательно 2 октября отдал директиву выжидательного характера. Всем армиям было приказано обороняться по рр. Висле и Сану, а 5-й армии отойти в резерв, в район Люблин — Красник.

Наступление 9-й германской армии (Схема 27)

К этому времени на левом берегу Вислы наступали 9-я германская армия и I корпус 1-й австрийской армии. Эта группа сильно выдвинулась вперед.

Только 4 октября, когда левобережная группа австро-германских армий достигла фронта Рава — Ново-Място — Илжа — Островец, оттеснив за Вислу авангарды русской 9-й армии, группа правого берега Вислы (2-я, 3-я и 4-я австрийские армии) начала свое наступление к Вислоке и, не встречая сопротивления со стороны русских, 9 октября подошла к р. Сану. Но дальнейшие успехи австрийцев на этом прекратились, так как все их попытки переправиться через р. Сан были отбиты.

9-я германская армия продвигалась вперед беспрерывно до тех пор, пока не уперлась своим правым флангом (XI, ландверный и гвардейский резервный корпуса) в р. Вислу на участке Сандомир — Ивангород, сильно занятом и упорно обороняемом 9-й и 4-й русскими армиями. Генерал Гинденбург убедился, что выполнить поставленную задачу он не может, ибо форсировать речной рубеж Сан — Висла на виду главных сил Юго-западного фронта он был не в силах.

9 октября можно было считать концом наступательной операции Гинденбурга на атакованном участке. Единственно, что могли сделать германцы одни, — это частью сил, не втянутых в оборону на р. Висле, совершить диверсию на Варшаву и энергичными действиями постараться привлечь на себя главные силы Северо-западного фронта, облегчив положение 8-й армии генерала Шуберта. Для наступления на Варшаву была образована группа генерала Макензена в составе XVII и XX корпусов и сводного корпуса Фроммеля (4 ландверные бригады и 8-я кав. дивизия) с задачей овладеть Варшавой.

9 октября группа генерала Макензена начала марш-маневр от фронта Радом — Калиш. Вечером 12 октября группа ген. Макензена была расположена в следующем порядке: XX корпус — Гура Кальвария, XVII корпус — южнее Варшавы, правым флангом у Гройцы. Две ландверные бригады на участке Надаржин — Блоне; 2 ландверные бригады на участке Скерпевицы — Лович; 8-я кав. дивизия — на р. Писса, севернее Жирардова.

В свою очередь и генерал Иванов решил, что настало время для перехода в наступление. Ближайшей целью своим право-

фланговым армиям он ставил овладение плацдармом на левом берегу р. Вислы и развертывание на нем 2-й, 4-й и 5-й армий для дальнейшего наступления. Директива, данная им по этому поводу 9 октября, является ярко отрицательным образцом. В ней было расписано по мелочам — какие пункты, какой армией, когда занять, сколько времени на них стоять и когда идти вперед, но о своевременном устройстве переправ штаб фронта не позаботился. При этом здесь перемешивались задачи нескольких армий, и приходилось совершать переправу через Вислу перед энергичным противником, который уже навис над этой рекой.

В общем директива сводилась к переправе 4-й армии у Ивангорода — Новой Александрии, 5-й армий — у Павловице (севернее Ивангорода) и к выдвижению 2-й армии на запад от Варшавы. Операция, начавшаяся 10-го, должна была окончиться 15-го развертыванием 2-й, 5-й и 4-й армий на фронте Скерневицы — Ново-Място — Радом — р. Илжанка с конным корпусом Новикова на правом фланге у Лович — Сохачев. Эти планы немцев и русских привели к ряду кровопролитных столкновений между Варшавой и Новой Александрией.

Боевые столкновения начались здесь 9—10 октября энергичным наступлением германцев на Варшаву и переправой русских на левый берег р. Вислы в районе Ивангорода.

Атаку на Варшаву германцы повели с энергией и 12 октября приблизились к линии упраздненных фортов. Переправа через р. Вислу была совершена русскими у Гуры Кальварии, Козеницы и Новой Александрии, но только в Козеницах им удалось удержаться на левом берегу реки и после упорных боев, вызванных необходимостью отвлечь германские силы от Варшавы, образовать там к 19 октября плацдарм, занятый 2 корпусами 4-й армии.

Быстрый успех германцев под Варшавой заглох после 12 октября, вследствие прибытия туда русских армий; 15 октября германцы уже с трудом отбивались, а 17-го выяснилась для них полная необходимость начать отход. Тем временем на фронте австрийских войск дела принимали для них дурной оборот. Они не только не могли продвинуться севернее р. Сана и восточнее Перемышля, но в ночь с 17 на 18 октября русские сами перешли непроходимый для австрийцев Сан.

На почве общих неудач между австрийским и германским командованием начались крупные несогласия в вопросе ведения операций, дошедшие до полного разрыва между Гинденбургом и Конрадом. Германцы обвиняли Конрада в нежелании передать в их распоряжение 1-ю австрийскую армию для штурма Варшавы. Конрад же в свою очередь обвинял германцев в неправильном ведении операций и в преследовании исключительно интересов Германии. Кроме того, Конрад требовал перенесения центра тяжести войны на восток, против России. Потребовалось вмешательство «верховой власти» как с той, так и с другой стороны, чтобы кое-как наладить продолжение операции в левобережной Польше. В двадцатых числах октября части 9-й германской армии ввиду неполучения пополнения начали выдыхаться, кроме того, у них оказался недостаток в снарядах. В результате споров и обнаружившихся затруднений в войсках получилось следующее:

а) генерал Конрад решил бросить всю 1-ю австрийскую армию под Ивангород, поставив ей задачей форсировать Вислу и развивать наступление на правом берегу в общем направлении на Люблин; германцы должны были содействовать этой операции австрийцев атакой одним корпусом от Гловачева на Козеницы, имея 1 кав. дивизию севернее;

б) 9-ю германскую армию генерал Гинденбург решил собрать в Варшавском направлении и расположить для обороны на линии р. Пилица — Скерневицы — Лович.

Новое наступление русское командование решило организовать по новому плану и в иной группировке армий. В этом наступлении, оказавшемся удачным и решительным по своим последствиям, 2-я и 5-я армии должны были под руководством Рузского наступать из Варшавского района в юго-западном направлении, имея севернее Варшавы 1-ю армию на Висле для обеспечения операции справа от удара германцев со стороны Торна; 4-я и 9-я армии под руководством Иванова должны форсировать р. Вислу в районе Ивангорода и наступать в западном направлении.

9-я германская армия, после разгрома ее левого фланга в районе Скерневицы — Гловно, уклонилась от занесенного над ней удара 2-й и 5-й русских армий и отступила к границе Силезии.

Столкновение в районе Ивангорода 1-й австрийской армии с 4-й и 9-й русскими армиями привело к встречному столкновению на переправах через р. Вислу. Боевые действия про-

исходили на обширном фронте от устья Пилицы до устья Сана и сопровождались ожесточенными и кровопролитными боями.

1-я австрийская армия появилась под Ивангородом в составе 2 корпусов, но без армейской конницы. Численное превосходство было на стороне русских огромное: каждый австрийский корпус имел против себя целую русскую армию, что заставило австрийцев отказаться от форсирования Вислы. Генерал Конрад поставил задачу 1-й армии отбросить русских на правый берег Вислы, установить блокаду Ивангорода, а с освободившимися войсками двинуться через Нижнюю Пилицу на помощь 9-й германской армии для вторичного штурма Варшавы. Выполнить поставленную задачу 1-я австрийская армия не могла, но тем не менее она удержала русских на переправах до 27 октября, после чего, понеся большие потери, отступила на линию Сандомир — Опатовка — Кельцы. Вслед за отступающими австро-германцами двинулись вперед 2-я, 5-я, 4-я и 9-я русские армии, получившие задачу готовиться для глубокого вторжения в Германию через Верхнюю Силезию.

Отступление австро-германцев и новые планы русской Ставки

(Схема 28)

При этом отступлении цели германской и австрийской армий были разные. Германцам надо было избежать новых боев и оторваться от русских; австрийцам надо было удерживать в своих руках Сандомирский узел, так как занятие его русскими затрудняло положение остальных австрийских армий, оборонявших р. Сан. Поэтому 9-я германская армия безостановочно отошла на линию Калиш — Ченстохов; 1-я же австрийская армия отход свой совершила с рядом боев против 4-й и 9-й русских армий и отошла по всему фронту к Кракову и к Карпатам в половине ноября.

План дальнейших операций русских армий колебался между двумя задачами — преследование разбитого противника или занятие выгодного исходного положения для будущей операции «глубокого вторжения в пределы Германской империи». Верх одержала вторая цель, и к 2—8 ноября русские армии достигли фронта Унеж — Ласк — Пржедборж — Мехов — Кошице — р. Дунаец — Карпаты.

Преследование, которое в конце октября во время отхода австро-германских войск после Ивангородско-Варшавской операции было организовано русскими, выдохлось в течение нескольких дней, так как, во-первых, не был организован тыл и, главным образом, подвоз хлеба войскам и, во-вторых, отход германцев из левобережной Польши в октябре сопровождался широким применением заграждений, выражавшихся в сильной порче всех железнодорожных путей, важнейших дорог и всех мостов и переправ. Поэтому русские войска, двигаясь на запад и преодолевая препятствия, оторвались на 150—200 км от своих баз, а подвоз снабжения при таком удалении организовать было невозможно.

Этот момент русская Ставка и выбрала для общего перехода русской армии в наступление в глубь Германии. Оно намечалось 4 армиями (свыше 40 дивизий из общего числа 95 дивизий) на фронте 250 км в обход Познани с юга, т. е. главный удар наносился по Германии. Остальные русские войска должны были обеспечить с обоих флангов наступление этой массы.

Зависимость царского правительства от французского капитала ставила в соответственное подчиненное положение и русскую стратегию. В интересах французского командования было толкать русскую Ставку на «глубокое вторжение в Германию». «Поход на Берлин» отвечал также империалистическим стремлениям царского правительства, которое боялось внутренних политических осложнений в случае затяжной войны и желало захватить наступательную инициативу в свои руки. Эти причины определяли склонность русской Ставки к авантюрным планам.

Решение русской Ставки занять выгодное исходное положение для предстоящей операции «глубокого вторжения в пределы Германской империи», имея ближайшей целью безостановочное продвижение на исходную линию Яроцин, Кемпен, Катовиц, Освецим, являлось авантюрой, если учесть соотношение средств и наступавшее зимнее время (11).

Гинденбург решил развернуть против русского удара австро-германские силы в 3 группах: австрийские войска — по обоим берегам р. Верхней Вислы, на линии Карпаты — Краков; 9-ю германскую армию — на фронте Торн — Гнезно и слабую 8-ю армию — в Восточной Пруссии. Войсками из крепостей и ландштурмом были заняты свободные промежутки между названными группами. Германский главный

удар наносился 9-й армией Макензена в направлении правого фланга русских армий с целью остановить их наступление.

Сражение в левобережной Польше,
или Лодзинская и Ченстохово-Краковская
операции

(Схема 28)

Вторжение русских в Верхнюю Силезию и занятие Западной Галиции и Кракова приводило, помимо полного разобщения германско-австрийского фронта, к разорению областей, чрезвычайно важных для Германии в военно-промышленном отношении. Эти последние обстоятельства заставили германо-австрийцев напрячь все наличные силы для удержания русских, хотя бы временно, в пределах левобережной Польши.

Счастливая случайность опять сопутствовала германскому командованию и помогла ему разрешить поставленную задачу наиболее активно. По свидетельству Гинденбурга, 1 ноября была перехвачена русская радиogramма, которая раскрывала ему глаза: «После 120-верстного преследования наступило время передать преследование кавалерии. Пехота утомлена, подвоз затруднен». Так возвещало русское радио. Получив, таким образом, возможность оторваться от противника и не имея сил для остановки русского наступления в Силезию посредством обороны, Гинденбург 3 ноября решил противодействовать этому наступлению маневром во фланг с севера, широко используя для быстрого сосредоточения армии в новом районе железнодорожные перевозки.

Для выполнения этой задачи Гинденбург приказал оставить небольшой отряд в районе Ченстохова под командой генерала Войрша, а остальные силы 9-й германской армии (XVII, XI и XX корпуса), усиленные из 8-й армии I и XXV резервными корпусами, перебросить на участок Познань — Бромберг — Торн для наступления против правого фланга русских армий в левобережной Польше.

Общей идеей операции, по замыслу Гинденбурга и Людендорфа, являлось: сковав русских незначительными силами с фронта, ударом сильной маневренной группы глубоко во фланг и тыл русских наступающих армий «сбить в кучу» сначала 2-ю армию, а затем, «если все хорошо пойдет», разстроить и остальные части русского фронта.

Ввиду близкого наступления зимы и тяжелого положения со снабжением русских армий, «глубокое вторжение в пределы

Германской империи», возведенное русским командованием, в действительности, едва ли могло осуществиться ранее весны 1915 г.

В то же время генерал Конрад решил стянуть свои главные силы в район Краков — Ченстохов. Общего плана действий между союзниками установлено не было.

К 10 ноября, т. е. к началу союзниками операции, соотношение сил сторон видно из следующей таблицы:

Таблица соотношения сил на русском фронте к началу ноября 1914 г.

Наименование места	Русские	Германцы и австрийцы	Примечания
Восточная Пруссия	6 корпусов с сильной кавалерией	2½–3 германских корпуса	Германцы на сильно укрепленных позициях Кавалерия равной силы
Млавское и Серпецкое направления	2 корпуса	1½–2 германских корпуса	
Правый берег Вислы	1 корпус (Плоцк)	½ германской Торнской дивизии	Русские корпуса в 50 км один от другого и не объединены общим командованием. Германская кавалерия значительно сильнее
Между Вислой и Вартой	2 корпуса	5½ германских корпусов	
Между Вартой и Олькушем	11 корпусов	4½ австро-германских корпуса (с прибавлением 2-й австрийской армии Бем-Эрмоли—7 корпусов)	
Между Олькушем и Вислой	3 корпуса	6 австрийских корпусов (1-я и 4-я армии)	Почти равные силы
Между правым берегом Вислы и Лупковым перевалом	7 корпусов	4–5 австрийских корпусов	
Далее на восток	1 корпус (VII и Днестровский отряды)	Группа Пфлянциера	
Всего . . .	33 корпуса (не считая 3 корпусов блокадной армии Перемышля)	25–27 корпусов, а к концу операций еще 5–6 с французского фронта	

Эта группировка, давая некоторое преимущество русским в Восточной Пруссии и отчасти против Кракова и в Галиции, почти уравнивала силы сторон между Унеювом и Пржедборжем и ставила 5 германских корпусов против 2 русских на участке между Вислой и Вартой. К этому сравнению следует прибавить ряд сильно укрепленных позиций у австро-германцев, опиравшихся на несколько крепостей, отсутствие таковых у русских и богатую рельсовую сеть у первых в отличие от весьма бедной и полуразрушенной сети железных

дорог на левом берегу Вислы у последних. При таких условиях вопрос о *громаднейшем* численном превосходстве русских войск в Лодзинской операции над германскими, о чем распространяются германские и отчасти русские писатели, отпадает. Столкнулись силы равные, но разнo сгруппированные, разнo управляемые и разнo утомленные.

Одновременно русская Ставка развила свой основной и занимавший ее с самого начала войны план вторжения в Германию. Ближайшей целью она ставила безостановочное продвижение на исходную линию для глубокого вторжения в Германию. Такой исходной линией была избрана линия Ярочин—Кемпен—Каттовиц—Освецим. Если бы противник оказал сопротивление этому продвижению, то указывалось разбить его. Наиболее опасной группой противника Ставка считала группу в районе Ченстохова, для атаки которой предназначались 5-я и 4-я армии (7 корпусов) при содействии справа 2-й армии, наступавшей на Калиш, а слева 9-й армии, обеспечивающей операцию со стороны Кракова. Остальные армии назначались для обеспечения флангов—1-я со стороны Познани и Галицийская группа со стороны Венгрии. Начало дальнейшего наступления было указано 14 ноября (12).

Ход операции

(Схемы 29 и 30)

Генерал Макензен, назначенный командующим 9-й армией, опасаясь, что русские раскроют положение его армии, двинул свой корпус в наступление 11 ноября, не выжидая, пока Познанский и Бреславльские корпуса и группа Бем-Эрмоли займут предназначенные им места. Это поспешное наступление 5½ корпусов на фронт Влоцлавск—Домбе в то время, когда русские не начали еще своего движения на запад, испортил в корне все германское дело, так как дал русскому командованию возможность своевременно почувствовать, хотя и не в полной мере, опасность, грозившую его правому флангу, и принять ряд мер. Поэтому, когда германская армия подошла 14 ноября к Кутно, она встретила уже между рр. Вислой и Нер вместо одного сибирского корпуса 2½ корпуса (V сибирский и II армейский корпуса и 1-ю стр. бригаду), готовых прикрывать Кутно для обеспечения связи между 1-й и 2-й армиями и тыла этой последней. Кроме того, вся 2-я русская армия получила в этот день приказ стягиваться вместо

наступления на запад к северу, а 1-я армия перебрасывала VI сибирский корпус с правого берега Вислы на левый.

Поэтому сражение у Кросневице — Кутно вместо 1 дня продолжалось 3 и, хотя окончилось победой германцев и даже прорывом их в образовавшийся между 1-й и 2-й армиями промежуток, все же изменило стратегическую обстановку для них в худшую сторону, чем это было при начале операции.

В результате сражения 9-й германской и 1-й русской армий в районе Влоцлавск — Кросневице — Коло — Кутно силы Макензена разорвались на две части: правый фланг — XI и XVII корпуса — ушел в южном направлении на Ленчицу, а левый фланг — XX и XXV резервные корпуса — был увлечен к юго-востоку за отступившей между Вислой и Баурой 1-й русской армией. Между 1-й и 2-й русскими армиями образовался значительный разрыв¹; это последнее обстоятельство в свою очередь заставило Макензена разбросать войска на сильно растянутом фронте, чем была значительно ослаблена ударная сила в центре — в Лодзинском направлении. В дальнейшем могли быть и были в действительности только успехи местного характера.

Создавшаяся группировка как бы определяла два направления грядущей борьбы: 1) на Лович или Скерневицы как железнодорожные узлы, занятие которых прерывало связь 2-й армии с Варшавой, т. е. пути подвоза снабжения и подкреплений, и 2) направление Ленчица — Брезины, ведущее к окружению 2-й армии. На этих направлениях и сосредоточилась дальнейшая борьба. Но германцы обратили мало внимания на весьма важное направление на Лович и сосредоточили все внимание исключительно на 2-й русской армии.

Против 1-й русской армии на фронте Висла — Лович германцы оставили только I резервный корпус и кавалерию, которые, направляя свой удар на Сохачев, дали русским возможность сосредоточить у Ловича сборную группу силой около 2 корпусов (II корпус, 6-я сибирская дивизия и отряд Максимовича), которая и предприняла 19-го, правда, весьма медленное, наступление на Стрыков и Лодзь, чтобы восстановить сплошной фронт со 2-й армией.

В прорыв на Брезины германцами было направлено 21½ корпуса (XX, XXV резервные корпуса и 3-я гвардейская диви-

¹ Во время этих боев правый фланг 2-й армии осадил, по приказанию командующего армией, пазед и стал фронтом на север, чем и образовал искусственный разрыв фронта.

зия), которые поддерживались направленным против Эгержа XVII корпусом и против Лодзи с северо-запада XI корпусом. Однако, русским удалось 19 ноября сосредоточить 2 корпуса (I армейский и II сибирский) восточнее Лодзи, между Андросполем и Домброва, фронтом на восток, 1 корпус (IV) севернее Лодзи, фронтом к Эгержу, и 2 корпуса (XXIII армейский и I сибирский) фронтом на северо-запад, от Александрова до Юлианова, против XI германского корпуса. Подходившие Познанский и Бреславльский корпуса задерживались развернувшимся к западу от Ласка XIX русским корпусом и кавалерией 5-й армии.

Как следствие создавшейся группировки, весьма энергичных объединенных действий германских войск и разрозненных действий сборных частей 3 русских армий под командой 3 командующих армий, одного командующего фронтом и Ставки, друг другу мешавших, но не помогавших, — к вечеру 22 ноября обстановка у Лодзи сложилась следующим образом.

I германский резервный корпус, переменив направление своего наступления с восточного на южное, подошел к Ловичу; опасность для этого важного пункта заставила русских спешно сформировать из смешанных подвижных частей Ловичский гарнизон, которому и удалось удержать этот пункт в своих руках.

Ударная Ловичская группа достигла фронта Воля-Рагозинска — Стрыков — Брезины, угрожая тылу действовавших против Лодзи XX и отчасти XVII германских корпусов и готовясь восстановить сплошной фронт со 2-й русской армией. Это заставило часть XVII и XX корпусов повернуться фронтом на северо-восток и занять против Ловичской группы позицию между Скошевы — Шавин. Лодзь с севера оборонялась с трех сторон полукругом от Стоки на Логевники Мале, Николаев и Константинов на р. Нере 3 русскими корпусами (II сибирский, IV и XXIII), имея против себя соответственно 3 германских корпуса (XX, XVII и XI).

Германская группа генерала Шеффера (XXV резервный корпус и 3-я гвардейская дивизия), углубившаяся в свободный промежуток между Лодзью и Брезинами, встретила при своем продвижении первоначально на юго-запад и потом на запад сопротивление I армейского и I сибирского корпусов на линии Бедоне — Рзгов. Здесь ей удалось занять дорогу Лодзь — Петроков и даже угрожать этому последнему. Но сюда уже подошли части I сибирского и V корпусов 5-й ар-

тии. В то же время к фронту Серадзь — Ново-Радомск подходили Познанский, Бреславльский корпуса и австрийская группа Бем-Эрмоли. Против них у русских имелся только XIX корпус у Ласка, отряды кавалерии и бригада гренадерского корпуса из 4-й армии в Ново-Радомске.

Таково было положение сторон, когда генерал Шеффер, получив приказ генерала Макензена об отступлении на север, решил в ночь на 23 ноября прекратить дальнейшие атаки и пробиться из кольца русского окружения.

Против обходивших германских войск группы Шеффера были направлены Ловичская группа и некоторые части 2-й армии, что должно было привести к полному окружению этой группы в районе Брезин. Но, вследствие неудачного направления лично генералом Ренненкампом большей части Ловичской группы на фланг XX германского корпуса и прямо на Лодзь, на пути отступления группы Шеффера оказалась только одна 6-я сибирская дивизия. Эта дивизия после двухдневных упорных боев, не поддержанная соседними частями, была разбита 3 германскими дивизиями. Благодаря этому остатки группы Шеффера прорвались из окружения и вышли на соединение с главными силами Макензена, уведя с собой обозы, всех раненых (до 2 800 чел.), 6 тыс. пленных и трофеи — 64 орудия и 39 пулеметов, захваченных еще до окружения; потери группы были громадны — около 40 тыс.

Кризис для германцев миновал, но и окружение 2-й русской армии не удалось.

В это время генерал Рузский усиленно ходатайствовал перед Ставкой об отводе назад 2-й и 5-й армий, сильно переутомленных, с расстроеным питанием и с недостатком боеприпасов, чтобы привести армии в полную боевую готовность. Ввиду этого Ставка отдала 30 ноября директиву об отходе левобережных армий на позицию четырех рек — Бзуры, Равки, Пилицы и Ниды, где благодаря более узкому фронту армии могли перегруппироваться и выделить необходимые резервы.

В то время, когда на севере левобережной Польши Гинденбург вступил в бой с тремя армиями Рузского, на юге правый фланг Иванова, 4-я и 9-я армии, ввязался в бой на фронте Ченстохов — Краков. Иванов не поставил конкретной задачи названным армиям, а потому дело сводилось к довершению преследования разбитых 1-й и 2-й австро-венгерских армий, развернувшихся на фронте Ченстохов — Краков.

Конрад решил действовать наступательно и прорвать центр русских. Такой же план был у русских. При таких условиях просьба Рузского об отводе его армий к Висле встретила решительный протест со стороны командования Юго-западным фронтом. Однако, расстройство армий Рузского и невозможность возобновления ими в ближайшее время наступления к германской границе заставили прекратить наступление также и против австрийцев.

Что же касается 9-й германской армии, то вследствие крайнего утомления войск и недостатка в снарядах Гинденбург вынужден был прервать сражение и отойти на укрепленный рубеж.

После долгих перипетий, вызванных просьбами Рузского об отступлении к самой Висле и просьбами Иванова об оставлении войск на месте, левобережные русские армии отошли к 18 декабря на фронт Сохачев — Рава — Опочно — Мологощ — р. Нида, где военные действия постепенно прекратились, и обе стороны начали закапываться в землю.

В результате сражения в левобережной Польше план глубокого вторжения русских в Германию был сорван, но вместе с тем и план Гинденбурга уничтожить русские армии был сорван. В то же время обе стороны пришли в столь большое истощение, что как германцы и австрийцы, так и русские вынуждены были перейти к позиционной войне. Что же касается Австро-Венгрии, то в результате выпавших на ее долю боевых действий ее армии оказались совершенно истощенными и к активным действиям мало пригодными.

Действия на флангах

Операции на флангах за истекший период почти не изменили стратегического положения сторон.

В Галиции австрийцы перешли в наступление очень поздно, в начале декабря, и имели временный успех в боях у Лиманова и Нов. Сандеца против 3-й русской армии, которая вместе с отходом 9-й армии на Ниду отошла на Дунаец. Далее же на восток русские войска сохранили свое положение на Карпатах от Войнич на Ценжковице — Дукла — Санок — Турка — Надворная — Селетин.

В Восточной Пруссии на фронте 10-й армии действия против озерной полосы приняли почти позиционный характер и стояли на мертвой точке. На Наревском же направлении,

имевшем большое влияние на Варшавскую операцию, активная деятельность германцев в декабре оживилась ввиду подхода подкреплений с французского театра. Здесь бои разыгрались в районе Прасныша, где приняли очень ожесточенный характер и закончились продвижением русских войск до Млавы с отходом корпуса Цастрова на линию Сольдау — Нейденбург.

В последних числах декабря на всем русском фронте наступает затишье, и стороны торопятся закопаться в землю. Однако, здесь позиционная война приняла более мягкие формы, чем на Западе.

СЕРБСКИЙ ТЕАТР

(Схема 9)

Мы оставили сербов на позиции за р. Дриной, успешно задерживавших в течение 2 месяцев наступление австро-венгерцев. Но израсходование огнеприпасов и все увеличивающаяся угроза окружения заставили их 7 ноября начать отступление на восток.

Отходя в полном порядке и держа противника на приличной дистанции частными контратаками, сербы выдержали с 20 по 29 ноября на р. Колумбария ряд боев, после чего отошли ко 2 декабря на участок между Дунаем и Сербской Моравой с сильными позициями по высотам Космай и Рудник.

Сербы, очистив Белград и отойдя на высоты Рудник и Космай, успели получить от союзников артиллерию и огнеприпасы и решили вновь перейти в наступление против австрийских армий, заполнивших страну. 3 декабря они перешли под прикрытием тумана в решительную атаку своей 1-й армией с высот Рудника, наголову разбили австрийцев и преследовали их к р. Дрине. Когда победа была здесь обеспечена, 2-я и 3-я сербские армии перешли в свою очередь в наступление и, зайдя левым плечом вперед, опрокинули левый фланг австрийцев в полном беспорядке за Дунай и освободили Белград. С 13 декабря Сербия была вновь очищена от неприятельского нашествия, австрийские вооруженные силы разгромлены и захвачена масса пленных и запасов. Это поражение было очень чувствительно для центральных держав, так как Сербия являлась барьером в прямом сообщении их с Турцией. До осени 1915 г. военные операции на Балканском театре прекратились.

Схема XII. Азиатско-турецкий театр мировой войны

ВСТУПЛЕНИЕ В ВОЙНУ ТУРЦИИ

Турция с ее территорией, омываемой 6 морями, перехватывала все сухопутные пути между Европой, Малой Азией и Африкой и особенно кратчайшие пути из Европы в Индию — Суэцкий канал и Багдадскую ж. д., и потому являлась ареной экономической и политической борьбы империалистических держав вообще между собой, а между Англией, Германией и Россией в особенности, с самого начала эпохи империализма, еще задолго до мировой войны (схема XII). При таких условиях участие Турции в мировой войне было неизбежным, а так как Турция в военном отношении находилась под наибольшим влиянием Германии, выражением чего с 1913 г. являлось присутствие в Константинополе миссии генерала Лимана фон-Сандерса, то выступление Турции на стороне центральных держав было весьма вероятным. Однако, Турция в лице своего военного министра Энвер-пашы с первых дней мировой войны не только заняла нейтральную позицию, заявив о своем нейтралитете, но через русского посла в Константинополе Гирса предлагала даже союз с Россией. Однако, русскому империализму Турция нужна была вовсе не в роли союзницы, хотя бы самой смиренной и послушной. Там вообще нужна была не Турция, а Константинополь, а лучшим предлогом его занять была бы война с Турцией. С другой стороны, русско-турецкий союз отдавал бы в английские руки Багдадскую дорогу — стратегический подступ к Египту и Индии, чего Германия ни в коем случае не могла допустить.

Для Германии Турция представляла собой страну экономических и стратегических возможностей, давая, с одной стороны, надежду в будущем (после разгрома Сербии) воспользоваться ее сырьем, с другой стороны — открывая возможность организовать удары на Суэц, Египет и далее в северную Африку, что поставило бы в затруднительное положение англичан. Англичане в этом случае могли быть лишены кратчайших путей на Восток, не говоря уже о том, что это отвлекло бы сюда значительные силы с Западноевропейского театра войны. Общность сухопутной русско-турецкой границы на Кавказе давала возможность приковать сюда часть сил России за счет ее австро-германского фронта, в чем были весьма заинтересованы центральные державы.

При таких условиях, когда выступление Турции на стороне центральных держав оказывалось желательным и для рус-

ского правительства и для германского командования, 10 августа «неожиданно» появляются в турецких водах германские крейсера «Гебен» и «Бреслау».

Столь своевременное появление в Константинополе этих германских военных кораблей, прорвавшихся благодаря «нерадивости» французского и английского морского командования из Средиземного моря в Дарданеллы, объявившего блокаду проливов только после прохода туда крейсеров, явилось тем удобнейшим предлогом для войны России с Турцией, за который ухватился русский министр иностранных дел Сазонов и который в то же время, в борьбе партий в турецком правительстве за союз с Россией или за союз с Германией, чашу весов потянул в сторону Германии. Уверенность в выступлении Турции на стороне Германии становилась полная. Ясно было, что Турция воспользуется тем выгодным соотношением сил на Черном море, которое с прибытием германских крейсеров явно было не в пользу устаревшего русского черноморского флота.

Между тем здесь интересы Англии и Франции были прямо противоположны интересам России, не говоря уже о том, что отдать проливы безоговорочно России совершенно не входило в их программу. Для Англии же участие в войне против нее Турции, как страны руководящей в мире ислама, было особенно опасно, так как могло вызвать против британского владычества движение мусульман в Индии и Египте. Поэтому союзная дипломатия прилагала все усилия, чтобы удержать Турцию от враждебного выступления и чтобы не вызвать войны с Турцией со стороны держав Антанты. Кроме того, дана была политическая директива, что «сам по себе выход «Гебена» в море не означает разрыва». Все эти соображения диктовали Турции линию внешней политики, состоящую в выжидательном образе действий, не упуская возможности усилиться в военном отношении.

Неудачный исход для французов Пограничного сражения и первоначальное победоносное наступление германцев вселили в турецкое правительство веру в окончательный успех в войне Германии, и Турция почти открыто перешла на сторону Центральных держав, назначив адмирала Сушона (немца) командующим турецким флотом, а Вебера-пашу (также немца) комендантом Дарданельских укреплений. Англичане принуждены были отозвать своего адмирала Лимпуса, кото-

рый до того времени руководил обучением в турецком флоте.

В середине октября в выступлении Турции уже не было сомнений, так как стало известно, что турецкое правительство подписало протокол, коим обязывалось к немедленному вооруженному выступлению, как только оно получит в счет обещанного пособия от Германии 2 млн. фунтов золотом. В ночь на 29 октября 2 турецких миноносца вошли в одесскую гавань, потопили русскую канонерскую лодку «Донец», а утром 29 октября «Гебен» бомбардировал Севастополь, несмотря на присутствие там всего русского флота, и потопил минный заградитель. 30 октября утром крейсера «Бреслау» и «Гамидие» обстреляли Новороссийск и Феодосию, заминировали Керченский пролив и потопили несколько судов. Не снесшись со своими союзниками, Россия объявила Турции войну. Англичане и французы, до сих пор все еще надевавшиеся сохранить нейтралитет Турции, принуждены были считаться с уже совершившимся фактом. 3 ноября последовала первая, как называют ее англичане, — «демонстративная», бомбардировка внешних фортов Дарданельских проливов, показавшая туркам всю слабую сторону их защиты. С этого дня они решительно приступили к укреплению проливов под руководством германских инструкторов, используя всю наличную пригодную для этой цели материальную часть.

12 ноября Турция провозгласила священную войну и объявила войну Англии, Франции и России. Таким образом, через 3 месяца после начала мировой войны Турция стала одним из театров последней с ее многочисленными фронтами: Кавказским, Месопотамским, Аравийским, Суэцким, Палестинским, Сирийским, Персидским и Галлиполийским. Дипломатия Антанты потерпела крупную неудачу.

Вступление турок в войну сильно меняло облик всей войны:

1) часть русских сил с австро-германского фронта отвлекалась на Черноморский и Кавказский фронты;

2) кратчайшее сообщение России через Босфор, Дарданельский пролив и Средиземное море с внешним миром, особенно с Францией, прерывалось;

3) существование Сербии было поставлено на карту, так как она лежала на пути прямого сообщения между централь-

ными державами и Турцией; с разгромом Сербии Германия приобретала доступ к турецкому сырью;

4) сфера войны расширялась, так как становилось вполне естественным участие в войне остальных балканских государств и, кроме того, выявлялся новый важный Азиатско-турецкий театр, весьма соблазнительный для французских и английских, в особенности русских, колониальных стремлений; поэтому следовало ожидать развития здесь больших захватнического характера операций.

Антанта немедленно ответила на выступление Турции переходом русскими войсками турецкой границы на Кавказе, бомбардированием дарданельских фортов, занятием английскими войсками в Персидском заливе Басры на Шат-эль-Арабе и несколько позднее (17 декабря) объявлением английского протектората над Египтом в ответ на турецкую демонстрацию на Синайском полуострове.

Более серьезные операции против Турции начались с 1915 г.

ДЕЙСТВИЯ НА МОРЯХ

(Схема 2)

Действия на морях за этот период заключались в незначительных операциях на Северном, Балтийском и Черном морях, в содействии флота Антанты в борьбе за колонии, в конвоировании этим флотом войсковых транспортов, перебрасываемых на театры войны, в установлении блокады Адриатики и в крейсерской войне на океанах.

На Северном море истекший период в смысле потерь был неблагоприятен для английского флота ввиду смелых действий германских подводных лодок — прообраза будущей подводной войны. Здесь за сентябрь и октябрь германские подводные лодки потопили 5 английских крейсеров, причем в один день погибло 3 корабля, что произвело сильнейшее впечатление в Англии.

Балтийское и Черное моря

Русский флот, который был вообще неизмеримо слабее всего германского, имел задачей оборону, главным образом, против неприятельских десантов в Финском заливе. Выделенные же германцами для действий на Балтийском море суда были значительно слабее русского флота и потому должны были ограничиться здесь лишь второстепенными боевыми действиями. Поэтому на востоке они вылились в демонстративные набеги

германских крейсеров на Либаву и к Финскому заливу, а на западе — в установке заграждений для охраны Кильской бухты от вторжений английских морских сил. Затем русский флот начал крупную деятельность по постановке заграждений у самых германских берегов, и к концу 1914 г. германцы обнаружили, что плавание у берегов опасно вследствие поставленных русскими мин.

На Черном море в первые же дни после начала войны выяснилось, что боевое ядро турецкого флота, «Гебен» и «Бреслау», избегало решительного боя, командование же черноморским русским флотом этого боя не искало. В то же время обстоятельства и события войны выдвинули перед черноморским флотом такие задачи, к которым он не готовился, а именно: содействие частям Кавказской армии, действовавшим вдоль черноморского побережья, а затем действия против угольного района Турции.

Гераклийский угольный район (Зунгулдак, Эрегли и пр.) имел большое значение для прилегающих частей Турции и для ее флота, поэтому черноморский флот предпринимал ряд операций против Зунгулдака, но с совершенно ничтожными результатами.

В свою очередь турецкий флот предпринимал поиски по Черному морю, бомбардируя некоторые пункты. 18 ноября черноморский флот в составе 5 линейных кораблей с 3 крейсерами, возвращаясь после бомбардировки Трапезонда, неожиданно встретился в районе Севастополя (вблизи Херсонесского маяка) с «Гебеном» и «Бреслау» и хотя в происшедшем бою нанес «Гебену» тяжелые потери, но вследствие неискренности командования не смог разгромить его и, не преследуя, ушел в Севастополь. Это был единственный морской бой на Черном море за всю войну.

Крейсёрская война

Развитие крейсерской войны на океанах относится к осени 1914 г. В это время действовали германские крейсера «Кёнигсберг» и «Эмден» в Индийском океане, «Карлсруэ» в Атлантическом у Пернамбуко, «Дрезден» вдоль атлантического и тихоокеанского побережий Южной Америки, эскадра адмирала Шпее в Тихом океане и еще несколько вспомогательных крейсеров. «Кёнигсберг» крейсеровал в западной части Индийского океана, доходя до Аденского пролива, причем в сентябре после боя у Занзибара с английским крейсером

«Пегасом» он потопил его. Это потопление имело громадное моральное значение, так как престиж Англии в этих водах был поколеблен. Поэтому англичане организовали здесь охоту за «Кёнигсбергом», вследствие чего он вынужден был в конце октября укрыться в устье р. Руфиджи, где в начале ноября и был англичанами потоплен. «Эмден», вышедший из Циндао в начале войны, в середине августа соединился с эскадрой адмирала Шпее в районе Марианских островов, а затем, когда Шпее пошел к Америке, он повернул на запад и вышел к южному побережью Явы, откуда начал свой знаменитый набег в Индийском океане, беспрерывно ускользая от организованной за ним погони. Потопив в течение недельного крейсерства в Бенгальском заливе 7 пароходов, он стал крейсировать в районе Цейлон — Маледивские острова, а затем, вновь перерезав Бенгальский залив, 26 октября дерзко утопил в Пенанге русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец. Отсюда «Эмден» пошел к Кокосовым островам, высадив здесь десант, но был застигнут австралийским крейсером «Сидней» и после боя, расстрелянный, выбросился на берег. «Карлсруэ» в течение 3 месяцев крейсировал в районе Пернамбуко, все время перерезая проходившие здесь морские торговые пути и постоянно избегая погони; за 3 месяца он захватил 17 пароходов тоннажем в 76 тыс. т, общей стоимостью до 1½ млн. фунтов стерлингов; 4 ноября, не доходя 400 миль до Барбадоса, взорвался в море от невыясненной причины и погиб. Таким образом, в начале ноября Атлантический и Индийский океаны были очищены от германских крейсеров, и оставалась только эскадра адмирала Шпее в Тихом океане.

Центром морской войны всего 1914 г. была борьба британского флота с эскадрой адмирала Шпее, деятельность которой так или иначе отражалась на всех британских эскадрах, начиная с Большого флота. Эскадра Шпее в составе 3 крейсеров, выйдя в начале войны с Каролинских островов, пошла в Тихий океан, бомбардировав по дороге Таити, и в середине октября соединилась с «Дрезденом», ранее крейсировавшим вдоль атлантического побережья Южной Америки, и с «Лейпцигом», подошедшим из Мексики. Затем эскадра пошла к Коронельской бухте на чилийском берегу, надеясь там найти английский крейсер «Глэзго». В то же время английская эскадра адмирала Краддока делала поиск вдоль тихоокеанского побережья, рассчитывая поймать «Лейпциг»; таким образом, обе эскадры полагали встретиться с одним только не-

усилить в Атлантическом и Тихом океанах свои морские силы даже за счет Большого флота, причем в распоряжение Англии поступили также японские и французские эскадры. В общем против эскадры Шпее было направлено 5 сильнейших эскадр, которые и замкнули кольцо вокруг нее. После Коронельского боя эскадра Шпее несколько времени крейсеровала вдоль чилийского побережья и затем в конце ноября пошла на юг, имея целью выйти в Атлантический океан, где думала соединиться с германскими крейсерами, якобы прорвавшимися из Северного моря.

В это время сильная английская эскадра адмирала Стэрди продвигалась к Фальклэндским островам (схема XIV), к которым и подошла 7 декабря. На другой день к островам подошла эскадра адмирала Шпее и, заметив мощного противника, стала уходить далее в Атлантический океан. Английская эскадра бросилась преследовать, и Шпее, видя, что бой неизбежен, приказал своим 3 легким крейсерам спастись, а с остальными 2 крейсерами вступил в бой против 3 сильнейших кораблей, в котором оба германских крейсера погибли. Через 2 часа были достигнуты еще 2 германских крейсера, и к вечеру после боя эскадра Шпее погибла, за исключением «Дрездена», которому удалось скрыться. В общем ходе войны результат *Фальклэндского боя* имел то значение, что после него все силы английского флота, за малым исключением, были сосредоточены на главном театре.

Вообще крейсерская война велась в неодинаковых условиях. Германские крейсера не имели опоры в своем запертом в территориальных водах флоте и потому постепенно погибали. Таким образом, смелая работа германских крейсеров уже к 1915 г. свелась на-нет, чтобы впоследствии возродиться в виде подводного крейсерства.

РЕЗУЛЬТАТЫ КАМПАНИИ 1914 г.

Когда в 1914 г. первые операции стали стремительно развиваться на европейских фронтах с густо насыщенными массами войск, богато вооруженных заранее заготовленными средствами техники, в Европе царил убеждение в *скоротечности возникшей борьбы*.

И действительно, темп операций за первый месяц представлял мощный размах. Казалось, вторжение крупных масс с таким темпом в неприятельскую страну быстро доведет до конечных целей борьбы. Правофланговые германские армии на

33-й день находились в 30—40 км от Парижа. Марш германской армии Клука из района сосредоточения у Аахена к южному берегу Марны протяжением в 520 км проведен в 24 дня с 1 лишь днем остановки (16 августа на Маассе); в среднем эта армия проходила по 23 км в сутки. 3-я армия Гаузена с 18 по 31 августа прошла 330 км, что давало почти такую же скорость движения. Уже 9 сентября, раньше месяца от начала боевых действий, закончилась Марнская битва. На русском театре за тот же срок происходила первая Восточно-прусская операция с тибелью части 2-й русской армии и приближалась к концу Галицийская битва с крушением австро-венгерских армий.

В этот первый месяц войны израсходована была значительная часть боевых запасов, накопленных в мирное время. Когда улеглись впечатления Танненбергской, Марнской, Галицийской битв и обе стороны увидели, что до конечных целей еще далеко, возникла необходимость приняться за привлечение новых средств с напряжением всей энергии государства. Приходилось мобилизовать все народное хозяйство. Следовательно, война должна была затянуться на несколько лет. Первым и главным результатом кампании 1914 г. явился вынужденный отказ от войны по старым образцам: *борьба предвиделась долгой, с использованием всей жизнеспособности государства и со ставкой на самое его существование.* Новая целеустановка войны вызвала новые факторы в политике, экономике и стратегии воюющих государств.

4 сентября в Лондоне была подписана державами Антанты декларация о том, что Англия, Франция и Россия обязуются не заключать в течение войны сепаратного мира. Когда же наступит время для переговоров, ни одно из союзных государств не предъявит условий без предварительного их одобрения остальными союзными державами. Эта декларация значительно расширяла политическую базу войны.

Одновременно возникло стремление к увеличению количества участвующих в борьбе государств. Обе стороны старались втянуть в войну новых членов. Вслед за привлечением Италии, которая с первых дней войны решила примкнуть к Антанте и вела лишь торг насчет будущих прибылей, заботы были обращены к Балканскому полуострову. Германии удалось перетянуть Турцию на свою сторону. Это было крупным достижением германской политики, но пока — в 1914 г. — до гибели Сербии новый союзник доставлял много хлопот гер-

манцам, требуя поддержки и материальной частью и денежными ресурсами. Попытка Германии создать общий балканский блок против России потерпела неудачу: Румыния и Греция тяготели к Антанте, Болгария колебалась, и ее правительству приходилось считаться с руссофильскими течениями в стране. На основании оценки общего политического положения Германии в конце 1914 г. канцлер Бетман-Гольвег пришел к выводу, что будущность Германии подвергнута очень серьезной опасности (13).

В *экономической обстановке* войны для Центрального союза уже явственно обнаружилось к концу 1914 г. признаки будущих лишений. Осознание их повелительно ставило германской власти задачу окончить войну не позже как через год. В Германии к концу года были введены карточки на хлеб и молоко. Голодная блокада не давала себя еще жестко чувствовать, «организованного голода» еще не было, но уже становилась очевидной отсрочка его не более как на год. Германия пока что успевала за крупные суммы скупать все, что только было возможно, из съестных припасов в Швеции, Норвегии, Дании, но английская блокада установила рационы, больше которых ничего не пропускалось в эти нейтральные страны, и потому для перепродажи в Германию оставалось немного. Антанта пока не чувствовала признаков голода.

Вслед за кризисом продовольствия к концу 1914 г. выявился *кризис боевого снабжения армий*. Раньше всех он дал себя почувствовать в России. В области промышленности Россия была отстающим государством, а ее военная промышленность под бюрократическим управлением была неспособна быстро удовлетворять потребности армии. С началом войны мобилизация военной промышленности в России встретила серьезные затруднения: недостаток инженеров, рабочей силы, сырья в потребном размере; непорядки с транспортом давали о себе знать с первых дней, а затем прогрессировали с большой скоростью. Запас винтовок был недостаточен даже к началу войны. В сентябре после самсоновской катастрофы наступил острый кризис с винтовками, а за ним к концу года возник снарядный голод, буквально срывавший боевые операции: решение русской Ставки отвести в декабре армии на рр. Равку и Бзуру, а в Галиции на р. Дунаец было подкаzano недостатком вооруженных пополнений и артиллерийских снарядов. Несоответствия между боевыми запасами и запросами войны сказались в 1914 г. и у всех прочих вою-

ющих держав, но налаженность промышленности в крупных государствах Западной Европы позволила им более безболезненно изжить это явление. В России же оно оказалось в 1915 г. одной из главных причин отступления ее армий в глубь пограничной полосы.

В области стратегии за кампанию 1914 г. произошел полный переворот идей, которые положены были в основу исходных планов обеих коалиций. Для армий Центрального союза операции по плану Шлиффена потерпели полную неудачу. На Западе, правда, их противники были значительно ослаблены, но не было более и речи о том, чтобы они были поставлены на колени германским молниеносным ударом. Обе стороны зарылись в линии непрерывных окопов в непосредственном боевом соприкосновении друг к другу. На Востоке остановлена была попытка вторжения в глубь Германии, однако, эта попытка могла быть повторена вновь. Германское главное командование стояло перед трудным решением, куда вновь направить главный удар.

На французском театре германцы лишены были возможности прибегнуть к излюбленному приему стратегического охвата. Оставался прорыв, для которого требовалось предварительное сосредоточение крупной массы сил и огромного количества материальной части. Приходилось заимствовать средства с русского театра, что связано было с риском потерять Верхнюю Силезию, имевшую первостепенное экономическое значение для Германии, и поставить на карту существование Австро-Венгрии.

Окоченение операций французского театра и напряженное положение на русском театре к концу 1914 г. принуждали германское главное командование переместить центр тяжести борьбы на Восток. Такое решение было принято Фалькенгайном с трудом и отчасти под влиянием главнокомандующего на Востоке — Гинденбурга, указывавшего, что путь к достижению мира ведет через поваленный труп России.

В связи с выступлением Турции для Центрального союза важно было достигнуть успеха на Балканском театре и установить непосредственное сообщение с Константинополем. В 1914 г. этого добиться не удалось. После неудачи австрийской попытки под руководством Потioreка разбить сербов Конрад отверг предложение Фалькенгайна вторично в 1914 г. обрушиться на Сербию.

Стратегический актив кампании 1914 г. для Антанты сводился к срыву германского замысла войны. Это явилось немаловажным достижением первых 5 месяцев, в течение которых не только был остановлен сокрушительный удар, но Германия была вынуждена перейти к войне на долгий срок вопреки всем ее расчетам.

Кампания 1914 г. свидетельствовала о значительной помощи, уже оказанной русскими армиями Антанте для облегчения стратегической обстановки на французском театре.

В области *тактики* в боевом применении войск кампании 1914 г. дала богатый опыт, вызвавший на обеих сторонах его немедленный учет для боевого соревнования при последующем развитии военных событий. С первых сражений начали обнаруживаться изъяны организации и подготовки мирного времени. Важно было подвергнуть их критическому анализу, спешно внести поправки и, насколько это было возможно, выполнить их во время самой войны.

Самым разительным фактором боевых неудач оказался разнообразный состав тяжелой артиллерии в армиях сторон. Это наглядно подтвердилось сравнительным количеством артиллерии в корпусе к началу войны. В то время как *германский корпус* имел 21 легкую, 3 гаубичные и 4 тяжелые батареи — всего *160 орудий*, из которых 34 гаубицы, — *русский корпус* имел 12 легких и 2 гаубичные батареи — всего *108 орудий*, из которых 12 гаубиц; *французский корпус* имел 30 легких батарей — всего *120 орудий* и ни одной гаубицы, которые являлись только принадлежностью армии.

Далее резко выявилась разница в обеспечении боевыми комплектами снарядов в разных армиях; наиболее недостаточным оказалось это обеспечение в русской армии. На исходе кампании 1914 г. во всех армиях дал себя почувствовать *кризис боевого снабжения*, с которым в различных армиях справились позже по-разному.

Неодинаковость технической оснастки вооруженных сил была велика в разных армиях не только в артиллерии, но особенно в средствах связи и моторного транспорта. Исключением составляла авиация, почти одинаковая в главных армиях к началу войны. Германия начала войну, имея 232 самолета, Франция имела 162 самолета, Россия к началу операции имела 39 авиационных отрядов, в которых по штату полагалось 234 аппарата, но фактически было 216 самолетов,

причем нехватало летчиков¹. Их всего было 221 человек (170 офицеров, 35 солдат и 16 добровольцев).

Кампания 1914 г. резко подчеркнула огромное значение проблемы руководства массовыми армиями. С первых же сражений возник *кризис командования* во французской и русской армиях, и этот кризис особенно сильно давал себя чувствовать на высших ступенях командования. Жоффр в течение первого месяца войны отрешил от должности по служебному несоответствию 2 командующих армиями, 7 командиров корпусов, 24 начальника дивизий, всего 33 старших генералов,—около 30% высшего командного персонала. В русской армии процент негодного командного состава был еще выше. Однако, здесь отчисления не проводились с такой же последовательностью и решительностью.

Наконец, кампания 1914 г. выдвинула необходимость крупных импровизированных формирований во время самой войны, особенно в тех государствах, где не была предусмотрена правильная организация запасных войск, как это имело место в русской армии.

В отношении операций на море 1914 г. крайне беден какими-либо достижениями, так как флоты воюющих государств в главной своей массе отставались на базах или оборонительных позициях за минными заграждениями.

В конечном счете боевые действия кампании 1914 г. представляют богатейший источник для изучения современного военного искусства. Операции этого первого этапа мировой войны велись под углом зрения идей, господствовавших перед тем в течение долгой подготовки мирного времени, и воевавшие армии не были еще разжижены позднейшими формированиями военного времени. Операции 1914 г. дают возможность изучить гибкую природу гигантской вооруженной борьбы огромных масс.

¹ Авиация делала только свои первые робкие шаги. В боевой эффективности ее сомневались даже авторитетные представители военной мысли воюющих государств. Войска в большинстве случаев не знали, как использовать авиационные отряды, придалные корпусам.